

УДК 124.5:165.62*Бибихин

**ГЕРМЕНЕВТИКА БОГООСТАВЛЕННОСТИ В ФЕНОМЕНОЛОГИИ
В. В. БИБИХИНА**

Малахов Данила Владимирович

Институт философии НАН Беларуси (г. Минск, Беларусь)

В тезисах рассматривается концепция богооставленности как дара, иницирующего состояние предельного усилия и внутреннего противостояния злу со стороны человека. Отсутствие Бога выступает конститутивным фактором последующего преобразования злой воли и негации зла как субстанционального источника личностного и исторического кризиса как кризиса добра, блага. Провиденциальным аспектом богооставленности выступает абсолютный характер «места встречи» Бога и человека, осуществляющего усилие овладения даром со стороны Бога.

Согласно В.В. Библихину, герменевтический акт понимания смысла, созданного в конкретном историческом времени текста, указывает отнюдь не на адекватность его современного перевода или на осуществление его логически непротиворечивой интерпретации в единстве конкретного и универсального значений. Понимание предполагает, во-первых, умение отказать теоретически осущённому и сведушему в истории идей разуму в возможности непосредственного и однозначного понимания с тем, чтобы, во-вторых, иметь возможность обосновать впоследствии действительную интенцию текста, которая и станет подлинным пониманием написанного [1, с. 19-20]. С точки зрения теологии вопрос о корреляции состояний богооставленности и зла, злого действия, представляет исключительную сложность. Для прояснения его смысла мы обратимся к неординарной феноменологической концепции богооставленности В.В. Библихина, в которой самым существенным для нас выступает понимание богооставленности как божественного *Дара* человеку, в соответствии с которым «*далекость отсутствия Бога может нас задеть так, как не задевает самое близкое, телесное*» [2, с. 262-263].

Проблема понимания богооставленности как высшей формы экзистенциального напряжения человека в его причастности к божественной судьбе ставится В.В. Библихиным в контексте темы Апокалипсиса, событие которого интерпретируется им в буквальном контексте системы значений оригинального греческого слова как *осуждение, оправдание, интимность, обнажение и нагота*. Апокалипсис предельно *человечен* в том смысле, что глубина задетости апокалиптическим событием апеллирует к человеку его в интериорной, то есть наиболее глубинной форме причастности: «В апокалипсисе <человек> задет в самом *интимном*, и не случайно “апокалипсис” имеет значение именно “обнажения” в греческом <...> ἀποκάλυψεως λόγῳ <...>. В древнееврейском соответствии “апокалипсиса”, *gala*, то устыжающее, указывающее внезапным опозорением», где «прозрение как-то сцеплено с позором, откровение со стыдом <...>» [2, с. 272], при том, что «собственно человека задевают только бедствия апокалиптического рода» как «переход не к сумме ужасов, а к другому ужасу» [2, с. 278]. Далее В.В. Библихин осуществляет транспонирование непосредственно удостоверяемых значений интимности апокалиптического события как обнажения плоти в отношении его, события, интимной духовной реальности, вводя в феноменологический анализ известную из «Откровения» Иоанна Богослова фигуру *антихриста*. Феноменологический анализ данной фигуры отличается от традиционного экзегетического толкования в первую очередь тем, что ее экстериорное понимание в качестве апогея внешнего человеку зла идентифицируется в первую очередь как интериорное, интимное и всеобъемлющее присутствие антихриста и сопутствующих ему инфернальных сил в разуме и экзистенции человека.

В интерпретации В.В. Библихина антихрист и Христос в плане своих конститутивных возможностей предельно сближаются, становятся фактически неразличимыми: антихрист «напрямую связан с Христом, *на уровне Христа*, так сказать, и значит так же как Христос проникает в существо человека» [2, с. 280]. Причина столь мощного проникновения определяется специфической формой присутствия антихриста, апеллирующего к божественным интенциям, присущим глубинам человеческого духа: «Христос человек, каким человек себя не знает,

в полноте человек как самая суть человека, он безусловно достает человека в его сути – т.е. потому и уникален, и единственен, и неповторим, другого такого абсолютно не может быть, другой такой будет сразу по определению *антихристом*, – именно потому, что один из всех, немислимо вобрал в себя полноту человеческого существа, ту самую, где “дело идет” уже о Боге, где она непонятно <...> соприкасается, сливается с Богом. <...> *только* один антихрист пытается достать и почти что совсем уже достает человека – *почти уже совсем достает*, так что *только* перед антихристом, чтобы противостоять ему, человек должен, *обязан*, иначе не получится, – выложиться весь; неполного усилия, расхолаженности, малейшей несобранности допустить нельзя, потому что тогда антихрист *из-за своей нацеленности на суть человека* человека опрокинет. Если на горизонте появляется антихрист <...> от человека требуется полная мобилизация (!), *часть* этой мобилизации принимает между прочим и политические формы и создает то, что называется “событием”» [2, с. 280-281].

Таким образом, богооставленность у В.В. Бибихина свидетельствует не о проклятии или отвержении человека со стороны Бога, но именно о *даре* сокровенного обретения им собственного деяния – своей истинной *собственностью*. Тогда оставленность Богом есть «не голос нежелания иметь и оставление в сторону, но... высшая форма владения..., чья высота достигает своей решимости в откровенном воодушевлении перед тем немислимым даром, каким оказывается оставленность» [2, 266]. В данной форме богооставленности содержатся не обиденные, мещанские убогость и нищета, ничего общего с *нищетой духа* Нового Завета не имеющие, но *истребованность* человека Богом, при которой «сама как раз близость Бога, его теснейшее подступание не когда-то в будущем, а сейчас, и не “представления”, как говорит богооставленное сознание, а реальной самой настоящей настойчивой, наступательной, давящей далекости отсутствующего Бога» [2, с. 263]. По мысли В.В. Бибихина, богооставленность делает Бога *ближайшим* человеку в превосходной степени.

Предельный смысл, который В.В. Бибихин вкладывает в этот термин, на наш взгляд, таков. *Отсутствующий* Бог как бы *рядом*, *вместе* с абсолютным злом, которому подчиняется глубинное существо человека, следует его же путем, но еще глубже – в действительные богочеловеческие глубины личности, присутствие Бога в которых *вне* события абсолютного зла оказывается, по-видимому, невозможным. Это *отсутствие* Бога ставит и Его и человека на некую *грань* места и обстоятельств их встречи, в которой из ожидания рождается деяние. Абсолютное зло выступает своеобразным *мостом* для нисхождения Бога в человеческие (и в *собственные* богочеловеческие?..) глубины, на которых он способен быть и действовать как к человеку ближайший.

Именно в таком ключе мы понимаем мысль В.В. Бибихина о *Даре* Богом человеку собственной *предельной* доступности. Идея действенного единства божественного и человеческого начал у В.В. Бибихина, по-видимому, не вполне релевантна православной традиции [3, с. 491-492]. С нашей точки зрения, истоком экзистенциальной диалектики богооставленности и деяния у В.В. Бибихина выступает, скорее, иудейский опыт супружеского постижения Бога, т.е. близости в *абсолютном* смысле, на что указывает акцентация апокалиптических метафор «интимности» и «обнажения» – как предельной формы супружества, единства.

Литература

1. Бибихин, В.В. Слово и событие / В.В. Бибихин. – М. : Русский Фонд содействия образованию и науке, 2010. – 416 с.
2. Бибихин В.В. Собственность. Философия своего / В.В. Бибихин. – СПб. : Наука, 2012. – 536 с. – (Серия «Слово о сущем»).
3. Хоружий С.С. Бибихин, Хайдеггер, Палама о проблеме энергии / С.С. Хоружий // Опыты из русской духовной традиции. – М. : Институт св. Фомы, 2018. – С. 469–502.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова